

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Труха

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=620045*

Аннотация

«... Лавчонка, маленькая, полутемная, была битком набита покупателями, а на улице у входных дверей стоял бойкий, крикливый мальчишка и зазывал еще новую публику:

– Пожалуйста! – кричал он, раскрывая рот так, что углы губ касались концов его громадных ушей. – Эй! К нам пожалуйста! Очень даже прекрасные привидения, покойники, девочки на всякий рост, бесприютные собачки-с! Громадный выбор занесенных снегом странников, волки-с. Только у нас настоящие волки! Эй!

А в лавчонке крику было еще больше. ...»

Аркадий Аверченко

Труха

Это было самое веселое, оживленное место предпраздничного рынка... Лавчонка, маленькая, полутемная, была битком набита покупателями, а на улице у входных дверей стоял бойкий, крикливый мальчишка и зазывал еще новую публику:

– Пожалуйста! – кричал он, раскрывая рот так, что углы губ касались концов его громадных ушей. – Эй! К нам пожалуйте! Очень даже прекрасные привидения, покойники, девочки на всякий рост, бесприютные собачки-с! Громадный выбор занесенных снегом странников, волки-с. Только у нас настоящие волки! Эй!

А в лавчонке крику было еще больше.

Приказчик, держа в правой руке за шиворот что-то длинное, одетое в белый саван, с деланным изумлением кричал:

– Это-с, по-вашему, не привидение?! А что же это тогда, по-вашему, такое, если не привидение? Который год торгуем – никогда не было, чтоб сумлевались! Вы, вероятно, ваша милость, не видели никогда настоящего привидения, потому такое и говорите!

– Да оно... не страшное! – робко возражал покупатель и косился на фигуру, беспомощно болтавшуюся в мужествен-

ной руке приказчика.

– Это не страшное? – изумлялся приказчик. – Да какие ж тогда страшные бывают?! Обратите внимание на их личико: мертвецкая бледность и глаза как свечки. Вот эту кнопку только нажать... А голос! Извольте прислушаться!

Приказчик нажал рукой спину привидения. Оно заскрипело и, захлопав ртом, проревело:

– Ищи документы, раскрывающие тайну твоего рождения, на чердаке, в двойной крышке старого сундука!

Рот захлопнулся, глаза потухли и фигура безжизненно повисла в приказчичьих руках.

Покупатель призадумался.

– Ничего... Слова хорошие. Из них можно что-нибудь сделать... Гм... Тайна рождения... Заверните!

– Браку не надо ли? – спросил приказчик, заворачивая покупку.

– А что у вас за брак?

– Чиновник один. Раскаивался в ночь под Рождество, что выгнал больную жену с ребенком. А они как раз и пришли в эту ночь, под видом нищих.

– Ну?

– Ну, вот. А мальчишка наш лавочный, что орет сейчас у дверей, чтоб ему пусто было, – вынул чиновника из коробки, да и отвертел ему голову. Согласитесь – не может же жена возвращаться к безголовому чиновнику. Целый набор испортил, негодяй. Возьмите! Дешево бы отдал...

– Да куда ж он мне?..

– Ну, можно что-нибудь такое... Жена могла бы держать корчму, пользующуюся дурной репутацией, а муж тоскует по ней и приезжает в рождественскую ночь, желая сделать сюрприз. Его не узнают и убивают. И только после, по отрезанной голове, с которой ей дали поиграть, дочка узнает черты своего любимого папы. Прекрасный сюжет!

– Пожалуй! – сказал покупатель, раздумывая. – Я в провинцию пошлю, куда-нибудь. Там это любят. Только вы и голову не забудьте положить.

– Помилуйте-с – все здесь, в коробке. Прикажете сверху вьюги положить? Копеек на тридцать.

– Разве у вас теперь вьюга отдельно продается? – удивился покупатель.

– Да-с. Лучше комбинируется. Можно чиновника – и вьюгу, заблудившегося мальчика – и вьюгу. Почти что она везде идет.

– Тогда посыпьте чиновнику на двугривенный. Да мне отдельно дайте немножко. Можно просто стихотворение в прозе о вьюге сделать. Благодарю вас.

* * *

В лавку вошла дама в очках.

– Здравствуйте! Позвольте мне одного замерзающего мальчика. Поменьше только и похуже одетого.

– Не держим-с, – вздохнул приказчик. – Погоды нынче, как назло, теплые, а товар скоропортящийся.

Дама растерянно посмотрела на приказчика.

– Тогда, может быть, найдется девочка на улице, прильнувшая к оконному стеклу, за которым елка?

– Продали-с. Была одна прильнувшая девочка, и ту для детского журнала взяли. Много не держим – потому из моды выходит. Из новенького чего не пожелаете ли: палач, вешающий родного племянника, экспроприаторы, нападающие в рождественскую ночь на усадьбу, раскаявшийся губернатор. Много теперь идет.

– Что-нибудь с волками нет ли? – спросила дама.

– Пожалуйте-с: охотник в лесу и волки, испугавшиеся праздничного колокола; прохожий и волки; заброшенная усадьба и волки; тройка лошадей и волки. Прикажете завернуть?

– Дайте с заброшенной усадьбой. А старые преданные слуги у вас не продаются отдельно? Я бы взяла одного.

– Сделайте одолжение. Только я бы, мадам, посоветовал вам лучше слугу с тройкой взять. А волков отберете отдельно. Усадьба тоже у меня случайная осталась, – от экспроприаторов. Один покупатель экспроприаторов забрал, а усадьбу, на которую нападают, оставил. Совсем бы задаром.

Высокий, представительный беллетрист, обладатель известного имени и целой тучи забранных всюду авансов, стоял у прилавка и безнадежно оглядывал наваленных в беспорядке привидений, волков и экспроприаторов, которых сразу можно было узнать по зверским, размалеванным красным лицам и громадным пистолетам, заткнутым за пояс.

– Все у вас, почтеннейший, – грустно говорил беллетрист, – одно и то же... Те же волки, раскаявшиеся старики, обсыпанные вьюгой, и разные бездомные женщины.

Приказчик развел руками и сказал извиняющимся тоном:

– Трудновато для вас подобрать. Так, мелюзга какая – все берет. С руками рвут. Из провинции какой приедет, так он и привидение возьмет, и прохожего старика. Усадьбу с экспроприаторами увидит, и ту возьмет. Волков ему предложишь – и волками не побрезгует. И волков-то дашь ему старых, облезлых, с одышкой. А уж до вьюги как доберется – дорвется до дешевки, – так всю покупку запорошит, то и не разберешь – где усадьба, где волк! Простой народ. Вам, конечно, этого не предложишь.

– Из новенького нет ли чего?

– Особенно – нет. Рождество под тропиками, унесенные льдиной в Святую ночь, палач, вешающий племянника. Предложить вам разве Рождество на дирижабле?

– Фу, какая пошлятина! – поморщился беллетрист. – Нельзя ли что-нибудь из очень старого? Такого старого – что уже основательно надоело и забыто. Можно стилизацию сделать.

– Спущусь в погреб, пороюсь, – вздохнул усталый приказчик. – Там такое есть, что сорок лет не ворошили.

Через десять минут приказчик вылез с запыленной, облезлой коробкой и бросил ее на прилавок.

– Не подойдет ли? Самая старинная вещь. Антик-с.

– Что это такое? – брезгливо поморщился беллетрист, оглядывая коробку.

– Девица в заброшенной бане, гадающая на суженого, который в безвестной отлучке. Вот-с – свечи, два зеркала, девица... Это гроб, который отражается. Делается это просто, вот так: сюда – зеркала, тут свечи... девицу садим на эту скамеечку. Теперь стоит только выдвинуть из зеркала этот гроб – трах! Девица падает. Ее находят в обмороке утром, на следующий день. Потом горячка, почтальон, письмо, извещающее о смерти жениха. Старина-матушка! Возьмите!

В глазах писателя читалось колебание...

В лавку вошел высокий, худой гимназист с красными, как гусиные лапы, руками и густо рассыпанными по лицу веснушками. Глаза его смущенно бегали по непривычной обстановке, а сам он робко жался к дверям и говорил страшным сиплым, искусственным басом.

– Нет ли у вас чего для рождественского рассказа? Чтоб

недорогое.

– Митька! – крикнул приказчик мальчику. – Покажи им бездомную собачку.

– Нет ли... странника замерзающего? – робко спросил гимназист, умоляюще смотря на приказчика.

– Нет, – сухо отвечал приказчик. – Берите или бездомную собачку, которая ходит под Рождество по улицам, или – елочку, которую срубили для детей и которая тоскует по родному лесу.

Митька повел гимназиста в угол и стал открывать перед его носом маленькие коробочки.

– Вот бездомная собачка. Видите – подавишь ее – она визжит! А это тоскующая елочка.

– А прильнувшей девочки нет? – шепотом спросил гимназист.

– Вышли. Да берите собачку – чего там! Можно огромный рассказище написать. Вьюги дам на три копейки.

Мальчишка завернул гимназисту бездомную собачку, отщипнул от куска клочок вьюги, грязный, уже начавший подтаивать, и сказал:

– Этой штукой перед употреблением посыплете собачку. Сохранять в холодном месте. До свиданья-с.

Беллетрист, следивший с улыбкой за этой сценой, вдруг засмеялся и сказал приказчику:

– Знаете? Я куплю у вас эту собачку и этот кусочек вьюги, но только – вместе с гимназистом.

– Для чего вам? – изумился приказчик.

– Да я из этого прекрасную вещь сделаю: «Первый рождественский рассказ». Гимназист, сочиняющий свою первую вещь, – это прелестно!

– Да как же я собачку... с гимназистом продам? – спросил приказчик.

– Да что ж такое! Заверните их вместе и вынесете на извозчика. Подумаешь – церемониться с гимназистом!.. Никто и не узнает.

– Слушаю-с!..

* * *

В лавку ввалилась хохочущая компания.

Один из компании наступил беллетристу на ногу, поставил лежащее на прилавке привидение вверх ногами, к великому веселью товарищей, и крикнул:

– Эй! старичок! Покажи нам свою дребедень!

– Это не дребедень, – обиженно возразил приказчик, – а прекрасные сюжеты для рождественских рассказов. Прошу не держать привидения вниз головой.

– Кто это такие? – спросил беллетрист шепотом.

– Юмористы. Пустейшая и беспардоннейшая публика. Придут, перевернут все, осмеют и почти ничего не купят. Прежде юморист хороший был... Солидный. Придет – дай ты ему пьяного визитера, перепутавшего знакомые дома, или

чиновника, который не получает ожидаемого ордена, или загулявшего купца. Основательный был юморист. А теперь рассобачились. Эй, господин, господин! Нельзя так делать... Что же вы в одну коробку суете и пожар усадьбы, и замерзшего странника, и детскую елку...

Компания забавлялась тем, что посадила призрака верхом на замерзающего странника и заставила их плясать перед елкой, взявшись за руки со страшными экспроприаторами и худыми рождественскими волками.

Потом свалили все это в кучу и, найдя коробку вьюги, стали с хохотом бросать ее горстями друг другу в лицо

Я вошел в лавку, обвел всех присутствующих взглядом и сказал приказчику:

– Пришел к вам за сюжетом...

– Сделайте милость! – вежливо изогнулся он. – Что прикажете: палача, вешающего племянника, вьюгу с волками, пожар усадьбы, призрака...

– Старый дуралей! – обиженно закричал я. – Неужели ты не понимаешь, что мне этого мало?! Я беру все сразу: усадьбу, экспроприаторов, вьюгу, беллетриста, племянника, палача, гимназиста, твоих мальчишек, самого тебя, всю твою бестолковую рухлядь, и я прошу вернуть мне это в бумагу, чтобы я мог унести домой – с одним-единственным желанием и целью – сжечь весь этот вздор, эту глупую труху раз и навсегда!.. К черту рождественские рассказы!..